

УДК 37.013.1

ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОИСКИ ЦЕЛИ

Т.В. Маянская

В статье анализируются образовательные стратегии в культурно-историческом контексте. Само образование рассматривается в качестве процесса производства человеческого в человеке. Автор обосновывает также необходимость трансформации современного образования.

Ключевые слова: образование, стратегия, человек.

Возможно, не является гиперболой утверждение, что проблемы, связанные с обучением, затрагивают всех. Каждый из нас в течение жизни неоднократно побывал и в роли учителя, и в роли ученика и испытал как муки поиска эффективной методики педагогического воздействия, так и неудобства прокрустовы ложа ученичества, в которое никак не укладывалась твоя жизнь с её соблазнами и неконтролируемой хаотичностью.

Характерно, что домохозяйку, воспитывающую единственного ребёнка и профессионального педагога, проработавшего в школе не один десяток лет, волнуют, главным образом, три фундаментальных вопроса: «Чему учить? Как? Зачем?» Первый – определяет содержание обучения, второй – методики и инструментарий, последний – задачи и цели.

На них существует множество ответов на уровне обыденного сознания – и на уровне сложных теоретических и методологических конструкций. В различные эпохи основной акцент смещался на тот или иной вопрос, а ответ на другие либо зависел от главной проблемы, либо вообще утрачивал смысл. Например, в феодальном обществе, где секреты ремесла оставались неизменными в течение столетий, основная проблема – чему учить: ковроткачеству, искусству вышивки, выделке кож и т.д. Как учить – зависело от воли мастера и традиции, а *зачем учить* – было настолько очевидно, что сам вопрос выступал как лишённый смысла. А вот в раннее средневековье главным становится именно это.

Основы знаний, добытые античностью, в средневековье были объединены в систему «семи свободных искусств», разделённых в школьном образовании на две ступени: «тривиум» (грамматика, диалектика, риторика) и «квадривиум» (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). Знание при этом рассматривалось как божественное откровение, в постижении которого и заключался *весь смысл и высшая цель обучения*. Собственно говоря, именно раннесредневековая школа заложила традицию понимания обучения как «образования», то есть духовного совершенствования, формирования личности по образу и замыслу Божьему. Грамотность необходима прежде всего для чтения Библии, астрономия учила исчислять церковный календарь, обучение пению выступало как условие постижения всех таинств богослужения в храме и т.д. Школа, таким образом, не столько сообщала знания, сколько учила жить в этом мире правильно, в строгом

соответствии с духом и буквой Священного писания. Необходимо отметить, что такое отношение к *знанию* как к чему-то сакральному в немалой степени способствовало развитию науки и повышению ее престижа и в конечном счете послужило одним из стимулов становления европейской цивилизации, - в которой, увы, трепетное отношение к процессам исследования тайн природы постепенно вытеснялось технократическим прагматизмом. В известной степени то, что мы сейчас называем «образованием», - как на уровне средней, так и высшей школы, - есть только «обучение», трансляция ранее накопленных сведений и навыков следующему поколению. Отсюда и повышенный интерес к *технологиям* передачи знания (методикам, способам контроля над усвоением и т.д.), несоизмеримо высокий по сравнению с интересом к нравственным целям обучения, проблемам формирования личности, идеалам и жизненным принципам получающей современные знания молодежи. Приходится ли удивляться, что люди с университетскими дипломами спокойно, не размышляя о последствиях (хотя бы для собственной души и судьбы) способны нанести неизлечимые раны природе, уничтожить животный и растительный мир Земли, накапливать вредоносные отходы и такое количество вооружений, что его хватит на многократное уничтожение всего человечества?

В прошлых системах храмового, монастырского, соборного образования существовало жесткое правило, характерное как для Запада, так и для Востока – ученик, послушник, неопит получал все более глубокие сведения о мире лишь по мере совершенствования своего «я». Библейская притча о наказании за излишнюю любознательность неподготовленного человека, не смогшего соблюсти запрет – многозначительное предостережение, видимо, хорошо понятное средневековой, но забыто современной европейской цивилизацией.

«Просвещение» и «образование» кажутся на первый взгляд правомерными синонимами. Но если вдуматься, то эти понятия в известной мере даже противоположны. Первое предполагает воздействие со стороны, второе – акцентирует внимание на происходящих в *субъекте* процессах; «свет» - это нечто этически нейтральное, воспринимаемое позитивно скорее с эстетической точки зрения; «образ» - символизирует наличие образца, идеала, движение к которому и является смыслом указанных процессов. Конечно, подобный семантический анализ всегда условен, но нередко он помогает понять некоторые принципиально важные моменты. Знание как «свет» и знание как «божественное откровение» - это различные конструкты. И каждая требует своих педагогических методик для усвоения и ставит особые цели как результат обучения.

Именно образовательная стратегия раннего средневековья с ее отношением к знанию, к постижению мира как к «боговдохновлённому» процессу, требующему духовной зрелости и нравственных усилий – сформировала мощные индивидуальности, высокий порыв которых к творчеству и возвышенные цели, вдохновлявшие их, сделали возможным в дальнейшем переход к эпохе Возрождения. Отметим, что сам Исаак Ньютон, работы которого определили характер научной революции, получил богословское образование, что не помешало, а скорее помогло ему в исследовании глубинных тайн природы.

Средневековая парадигма образования предполагала, что это, так или иначе, результат божественного откровения. Знание – всегда освящено. И чем больше человек приобщается к знанию, тем ближе он к потенциально-заложенной в нём сущности быть образом и подобием Бога. Человек потому и должен быть образованным, что это есть *путь к пробуждению в нём его подлинной, изначальной природы*. Образование не есть просто передача умений, навыков ремесла, технических приёмов, технологий. Такой процесс – это просто *обучение*. Образование – это формирование человеческого в человеке. Поэтому университет – это культурное пространство производства человеческого в человеке.

Но в чём суть образования в XXI веке? Какова современная парадигма образования? Для того, чтобы вуз и сегодня был пространством производства человеческого в человеке, мы должны глубже понять, что такое *человек*, какова его подлинная природа, в чём его аутентичность. В противном случае образование вырождается в некий род деятельности по получению услуг, по приобретению ценных и значимых для рынка труда функциональных качеств личности.

Титаны Возрождения заложили в европейскую культуру такой потенциал гуманизма, веры в возможности человека и конечную победу разума, добра и справедливости, что порожденного им оптимизма хватило на несколько столетий. Ныне очевидно, что этот потенциал исчерпан. Чтобы вновь вдохнуть в большую европейскую цивилизацию духовные силы – необходима, в частности, и перестройка целей образования. Чтобы вернуться к человеку – надо вновь обратиться к Богу? Может быть. По крайней мере ясно, что прагматичность конечных целей обучения может превратить в злодея даже юношу с талантом Ньютона.

Гегель писал в свое время, что если мы «... посмотрим, исполняются цели или нет, то увидим, что многое, конечно, достигнуто, но *еще большее пришло в упадок и разрушено человеческими страстями, порочностью людей, в том числе самые высокие и великие цели*. Земля покрыта развалинами, остатками великолепных сооружений, творениями самых прекрасных народов, цели которых мы признаем существенными. Великие предметы природы и творения рук человеческих пребывают и противостоят времени, но великолепная жизнь народов уже погибла безвозвратно... Все эти цели, какой бы интерес они у нас не вызывали, мы вынуждены рассматривать как *конечные*, подчиненные и видеть причину их исчезновения в их конечности» [2].

Значит, чем более высокими целями руководствуется человек (или цивилизация) – тем больше вероятность, что результат ее осуществления будет существовать достаточно долго. Но, по Гегелю, несовершенный характер мирового порядка предполагает высшую цель, находящуюся вне мира. Вот почему богословская стратегия образования поднимает планку «целей» на предельную высоту.

Возможны ли иные решения, когда мы говорим о ведущих целях современного обучения? Прежде всего, надо решить, где их искать? Если не в религии, то первый вариант, который напрашивается естественно – в *мудрости*. Итоги древнейшего жизненного опыта зафиксирован в ней (чаще всего в виде

притч, пословиц и поговорок). Мудрость помогла выживать человеку в течение тысячелетий, притом без помощи механизмов, больниц и прочих даров цивилизации. Не поможет ли она и теперь найти такие ценности (мировоззренческие, этические и/или социальные), ориентируясь на которые мы бы так выстроили систему обучения, что она бы опять стала «образованием», но уже нового типа, соответствующая космическому и планетарному мироощущению человека? Народная мудрость подчеркивает значение знаний: «сокровище умного – в его знании» (арабская пословица), та же мысль у вьетнамцев – «золотой клад не сравнится с кладом знаний». И в то же время – «незнающий избавлен от тысячи бед» – говорят казахи. Им вторят персы – «не знаю – и душа спокойна». Единодушно осуждается полужнание или видимость знания – достаточно сравнить русскую, вьетнамскую и осетинскую поговорки: «Всякое полужнание хуже всякого незнания»; «Лучше быть совсем глупым, чем иметь видимость знания»; «Малые знания подобны оковам». Единодушна народная мудрость и в признании знания как общественного достояния: «кто не делится своими знаниями – подобен свету в кувшине» (амхарская пословица), «учи других, и сам лучше поймёшь (Россия), «учение – семена знаний, а знания – семена счастья» (Грузия). Характерно, что в мудрости народа связь нравственности и знания представляется более тесной, чем в современном понимании: «образованный человек скромн, широкая река спокойна», «необразованный человек несдержан, река без высоких берегов разливается» – так монголы оценивают грамотея и невежду. И, – вновь эта мысль, о которой мы уже говорили – «знание в руках плохого человека подобно острому мечу в руках пьяного» (таджикская пословица): нравственное совершенство и образование должно идти рука об руку.

Многие утверждения в анналах народной мудрости заслуживают внимания и современного прочтения. Но создаётся впечатление (возможно ошибочное), что идеи и формулировки, касающиеся глобальных целей обучения мы вряд ли обнаружим. Действительно, обращение к этой «первоначальной сокровищнице» полезно всегда. Но отражение опыта в ней, «как и сам опыт, не может не быть противоречивым и неопределённым» [4]. Мудрость фактически есть не что иное, как искусство жить (и выжить!). Но, отражая всю противоречивость жизни, она соединяет разумные советы, удачные находки и тысячелетний разумный опыт с кучей устаревших предпосылок и ретроградных предрассудков. Интересен один из мудрецов древности Конфуций, поскольку именно он очень много размышлял о сущности учёбы и специфике знания. Он говорил о себе: «Я не родился со знаниями. Я получил их благодаря любви к древности и настойчивости в учёбе» [5]. Он считал, что размышления без учёбы бессмысленны – «я часто целый день не ем и целые ночи не сплю – всё думаю. Но от этого нет пользы. Лучше учиться» [там же]. И в то же время нет толку от учёбы без размышлений, считал Конфуций. Учиться и не размышлять – понапрасну тратить время. Один из учеников отмечал, что Конфуций учил четырём главным вещам: пониманию книг, моральности, преданности и правдивости. Таким образом, главным выступает здесь нравственный аспект, который представляет три элемента обучения. Высшая ценность на Земле для Конфуция – человек, а в человеке – его нравственное

совершенство. Очень современно (и актуально в плане тематики статьи) такое высказывание мудреца: «если кто-либо избирает уважение к мудрости, отдаёт все свои силы служению родителям, не шадит своей жизни, служа государю, правдив в отношениях с друзьями, то хотя о нём и говорят, что он не обладает учёностью, я обязательно назову его учёным человеком» [5]. При этом сам Конфуций старательно избегал четырёх вещей: он не вдавался в пустые размышления, не был категоричен в своих суждениях, не проявлял упрямства и не думал о себе лично. И ещё одно, совершенно замечательное размышление: «обладаю ли я знаниями? Нет, но когда низкий человек спросит меня о чём-либо, то [даже если я] не буду ничего знать, я могу рассматривать этот вопрос с двух сторон и обо всём рассказать ему» [там же].

Итак, нравственность – необходимая сторона образования, формирование гармоничной личности – один из элементов образования, учёность предполагает умение размышлять диалектически и даже, как мы бы сказали сегодня, интервально. Многое из того, что говорит Конфуций, перекликается с уже цитированными фрагментами народной мудрости и может помочь нам в поисках смысла современной стратегемы обучения. Главная цель обучения – человек (а не просто знания, данные ему): «Человек может сделать великим путь, которым идёт, но путь не может сделать человека великим». Это весьма сходно с тем, что спустя почти двадцать три столетия скажет Г. В. Ф. Гегель, который призывал человечество множить свои интеллектуальные усилия, чтобы «посредством познания реализовать изначальное призвание человека быть образом Божиим» [3], ибо самосознание бога знает себя в знании человека. Конечно, есть существенный оттенок, отличающий мысль Гегеля от того, что сказал Конфуций, но сближает их пафос отношения к человеку как главной цели знания и познания.

Если бы стратегия современного образования строилась исходя из концепции, что ведущей целью обучения на всех, - но особенно на высшем, - уровнях является не обретение специальных знаний, формирование специалиста, а формирование человека во всём многообразии его потенциальных и реальных возможностей – проблема приоритетов мировоззренческих, философских, этических, социологических и профессиональных (если речь идёт о техническом, медицинском, или естественнонаучном учебных заведениях) решалась сама собой, как следствие общей стратегемы. Сейчас, говоря о кризисе современной цивилизации, учёные видят его глубинные истоки в том, что техника, - с одной стороны, и погоня за материальными благами, - с другой, вытесняют, как ни странно, из поля зрения этой технократической цивилизации *человека*. В конечном счёте, мы сталкиваемся с парадоксом: созданная человеком, она превращает природу, социальную среду, культуру (в её «масскультурном» варианте) во всё более дискомфортную для него жизнь.

Но эта «потеря человека» начинается с первых лет его образования, когда учат грамоте, забывая про мифы, сказки, пословицы; учат естествознанию, забывая поднять голову и взглянуть на звёзды или познакомиться с каждой рядом живущей травинкой и бабочкой; учат даже обществоведению, не стремясь, чтобы «золотое правило нравственности» вошло в плоть и кровь, пронизало всё реальное поведение

подростка и его взаимоотношения с социумом. В итоге получаем «специалиста высокой квалификации», обладающего примитивным мироощущением и ущербной нравственностью.

Человек вернётся в мир и перестроит нужным образом технократическую цивилизацию, если мы вспомним о нём в школе, техникуме и вузе. Кстати, в середине XX века, когда острота экологического, антропологического и культурологического кризисов только начинала осознаваться, много говорили о необходимости «гуманизации» образования. Болезнь увидели уже тогда - но к фундаментальному лечению так и не приступили, подменив его таблетками новейших образовательных технологий (в частности, так называемым «болонским процессом» и т.п.). неудаче способствовало и то, что многие понимали «гуманизацию» и «гуманитаризацию» лишь как необходимость добавления в процесс обучения краткие курсы так называемых гуманитарных дисциплин.

Но можно возразить: понятие «человек» слишком сложно, разнопланово и многоинтервально. Если мы берём его как «образец», идеал, системообразующую цель образования, необходимо уточнить, какую из его ипостасей имеем в виду: социальную, биологическую, праксеологическую, эргономическую, культурологическую, креативную и т.д. Когда речь идёт о человеке как детище Бога-творца, чьим подобием он создан, то проблема более или менее ясна, тем более что за таким видением стоит многовековая история и работы тысяч богословов. Может ли XXI век претендовать на иное раскрытие, понимание человека как цели образования? Х.-Г. Гадамер справедливо отмечает, что «образование не может быть собственно целью, к нему нельзя в этом качестве стремиться, будь это хотя бы в рефлексиях воспитателя» [1, с. 53]. Между тем в настоящее время ситуация именно такая: образование выступает как цель и ценность сама по себе. Но подобная позиция, как мы уже отмечали, порождает множество негативных последствий [там же, с. 56]. Гадамер называет сущностью образования «возвращение к себе». Но кто я? И далее – «общее чувство – вот какова формулировка сущности образования, в которой слышится отзвук широких исторических связей». Образование как подъём к всеобщему – это идущее от Гегеля понимание перекликается идеей духовного бытия человека как выражения его сущности, - и при этом «... совершенно правильно утверждать о труде, что он образует человека. Самоощущения работающего сознания содержат все моменты того, что составляет практическое образование: дистанцию от непосредственных влечений, личных потребностей и приватных интересов, т.е. требование всеобщности» [там же, с. 54].

Всеобщность в различных концептуальных системах понимается по-разному: как «мировой разум», как «тезаурус основных элементов культуры», как «сумму свойств и ценностных установок, превращающих человека в представителя Человечества» (духовное, нравственное, разумное и творческое существо). Последнее понимание позволяет трактовать образование как восхождение к Человеку – некоему идеалу, образцу, воплощающему креативную, природно-общественную, моральную гуманистическую и, в конечном счёте, его космическую сущность. Космизм бытия человека, его осознание себя как части великой природы, признание равноправности «Другого» как условие и предпосылка существования

всех – эти и некоторые другие черты образа этого жителя Земли могут стать основой для превращения его в *цель* образования. Конечно, здесь предстоит огромная предварительная работа психологов, социологов, философов, биологов, богословов и многих других специалистов, имеющих отношение к сфере антропологии, потому что мы вновь возвращаемся к древнейшему вопросу о сущности и предназначении человека. Но, видимо, надо найти мужество и попытаться ответить на него с учётом позиций и возможностей XXI века.

Средневековые установки на людскую богоподобность и божественную природу Знания обеспечили (в конечном счёте) взлёт европейской цивилизации. Последующее возобладание прагматичных целей образования шаг за шагом превращали человека из цели в средство, средство служения обществу, науке, прогрессу, наконец – пока такой прогресс не стал угрозой для самой возможности жизни на Земле. И никакие локальные меры (социальные, политические, методические, тематические) не решат проблемы, если процесс превращения ребёнка во взрослого не будет происходить под чётким грифом – это в первую очередь превращение именно в «человека», а не в «специалиста», «винтик» социального механизма или элемент данного социального сообщества.

ВЫВОДЫ. Преобразование обучения на различных уровнях преимущественно не как системы трансляции знаний, а как последовательного формирования духовного, морального и творческого потенциала человека особенно актуально именно сейчас. Почему – это тема отдельной статьи, но основные причины названы уже многократно. Не утопия ли это – надежда на столь радикальную трансформацию образования? А разве не вправе утопающий надеяться хотя бы на соломинку?

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 53.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. – М, 1981. Т.2. – С. 479.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1979. Т.1. – С. 130.
4. Гурина Мишель. Философия. – М., 1998. – С. 118-119.
5. Древнекитайская философия. – М., 1994. Т.1. – С. 154.

Маянська Т. В. Освіта у сучасному світі: пошуки мети

У статті аналізуються освітні стратегії в культурно-історичному контексті. Сама освіта розглядається як процес виробництва людського в людині. Автор обґрунтовує також необхідність трансформації сучасної освіти.

Ключові слова: утворення, стратегія, людина.

Majanskaya T.V. Education in the modern world: purpose searches

In article educational strategy in a cultural-historical context is analyzed. Education is considered as process of manufacture human in the person. The author proves also necessity of transformation of modern education.

Keywords: education, strategy, the person.

Поступило в редакцію 25.12.2007